

ISSN 1812-5743

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М. ГОРЬКОГО

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
XIV**

Киев
Издательский дом Дмитрия Бурого
2015

ББК Ш.я43

Ф545

Редколлегия: В. В. Фёдоров, д-р филол. н., проф. (*отв. ред.*); В. М. Калинин, д-р филол. н., проф. (*зам. отв. ред., ред. выпуска*); Л. Бартошевич, д-р филол. н., проф.; В. М. Шаклеин, д-р филол. н., проф.; В. Д. Калиущенко, д-р филол. н., проф.; К. Г. Исупов, д-р филол. н., проф.; Г. Ф. Ковалёв, д-р филол. н., проф.; Л. Г. Фризман, д-р филол. н., проф.; А. А. Кораблёв, д-р филол. н., проф.; О. А. Кравченко, д-р филол. н., проф.; Е. А. Андрущенко, д-р филол. н., проф.; И. И. Московкина, д-р филол. н., проф.; В. И. Теркулов, д-р филол. н., проф.; Л. Т. Сенчина, канд филол. н., доц. (*отв. секретарь*); П. Т. Тимофеев, канд. филол. н., доц.; И. А. Кудрейко, канд. филол. н., доц.; Н. А. Ярошенко, канд. филол. н., доц.

Рецензенты: д-р филол. н., проф. Андрущенко Е. А., канд. филол. н., доц. Ярошевич И. А.
Рекомендовано к печати Учёным советом Донецкого национального университета, протокол № 1 от 25 сентября 2015 г.

Филологические исследования:

Ф545 Сборник научных работ. – Выпуск 14. // Редколлегия: В. В. Фёдоров (*отв. ред.*) и др. – Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2015. – 414 с.

ISSN 1812-5743

Сборник посвящён памяти заслуженных профессоров ДонНУ Е. С. Отина, М. М. Гиришмана, Г. П. Цыганенко. Исследования посвящены актуальным проблемам языка и литературы. Для научных работников, специалистов-филологов, аспирантов и студентов филологических факультетов, преподавателей языка и литературы в школе.

Філологічні дослідження:

Ф545 Збірник наукових праць. – Випуск 14. // Редколегія: В. В. Федоров (*відп. ред.*) та ін. – Київ: Видавничий дім Дмитра Бурого, 2015. – 414 с.

ISSN 1812-5743

Збірник присвячено пам'яті заслужених професорів ДонНУ Є. С. Отіна, М. М. Гіришмана, Г. П. Циганенко. Дослідження присвячені актуальним проблемам мови та літератури. Для наукових працівників, спеціалістів-філологів, аспірантів і студентів філологічних факультетів, викладачів мови і літератури в школі.

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованого засобу масової інформації
КВ № 5266 від 04.07.2001

© Филологический факультет ДонНУ, 2015

© Лаборатория общего и прикладного языкознания ДонНМУ, 2015

© Фонд гуманитарных исследований и инициатив «Азбука», 2015

*Драгоценной для филологов
памяти Заслуженных профессоров
Донецкого национального университета
Е. С. Отина, М. М. Гиришмана,
Г. П. Цыганенко*

УДК 82.0

С. А. Кочетова (Горловка)

**РОМАН ЮРИЯ БУЙДЫ «СИНЯЯ КРОВЬ»:
ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА**

Реферат. В статье представлены векторы аналитического рассмотрения романа современного русского писателя Юрия Буйды «Синяя кровь». Автор статьи предлагает в качестве ключевой темы романа считать тему одиночества личности в обыденной среде окружающего общества, а в качестве ведущих аспектов поэтики текста романа – поэтику “магического реализма”, поэтологические эксперименты в области ономастики и художественную деталь как приём, отвечающий за образительно-выразительную насыщенность стиля повествования.

Ключевые слова: магический реализм, мифологизм, ономастика, проблематика, поэтика, роман, современная русская литература, художественная деталь, Юрий Буйда.

Творчество Юрия Буйды представляет собой целую волну русской прозы рубежа XX–XXI веков, в которой отразились рассуждения и переживания нашего современника, ищущего точку опоры в окружающем мире. Уже начиная с 1991 года, когда появились публикации его произведений в журналах «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов» и др., читатели обратили внимание на представленный автором в произведениях особенный срез общества – одновременно натуралистический и мистический, бытовой и мифологический, реальный и воображённый.

Как отмечают литературные критики, в рассказах, повестях и романах Юрия Буйды прослеживается магический

реализм, художественно разработанный в латино-американской литературе. Художественное своеобразие романа «Синяя кровь» соответствует характеристикам поэтики магического реализма, что, в свою очередь, формирует перспективы дальнейшего литературоведческого исследования произведения.

Очевидной является “магическая” природа прозы Ю. Буйды. В тексте романа легко обнаружить элементы поэтики “магического реализма”. Так, мы наблюдаем использование автором необъяснимых фантастических и магических элементов, которые безоговорочно принимают герои повествования, а частое обращение к символике сопровождается описанием сенсорного восприятия окружающей действительности; герои эмоционально чрезвычайно чувствительны. Повествованию Ю. Буйды характерно искривление течения времени: от линейного до дискретного, от спирального до циклического. Герои Ю. Буйды испытывают страдания ещё до начала жизненных испытаний, другими словами, нарушается привычная для читателя очерёдность причины и следствия, что является признаком литературы “магического реализма”. Кроме того, как известно, широкое использование автором фольклорных и мифологических элементов также является характерным, наряду с другими чертами, для произведения “магической” ориентации. В числе параметров поэтики литературы “магического реализма”, задействованных писателем, следует упомянуть и контрастный переход (на разных уровнях организации повествования) от прошлого – к настоящему, от реального – к мистическому, от ярко выраженных черт характера одного персонажа – до полной противоположности в характере другого персонажа. Кроме того, мы можем наблюдать смену ракурса повествования от первого и третьего лица. Столкновение взглядов героев и внутреннего монолога отдельного персонажа также находится в перманентном переклочении и сопоставлении. Таким образом, не трудно отметить, что анализируемый роман соответствует большинству параметров поэтики “магического реализма”. “Магический мир”, мастерски представленный в повествовании, формирует атмосферу особенных “нереальных” условий, в которых существуют герои и развиваются события сюжета.

Основной конфликт между личностью и жерновами истории представлен автором на фоне реальной и мистически окрашенной картины действительности. История женщины, «вернувшейся» из мира высокого искусства в мир обыденности после автокатастрофы и, шире, после разрушения её жизненного уклада, представлена Ю. Буйдой как образец нестигаемости личности перед жизненными обстоятельствами. И дело вовсе не в том, что героиня, прикоснувшись к светской жизни и миру искусства, после личной трагедии осталась верна своему призванию. Суть жизненной истории Иды Змойро – в её нестигаемости перед обстоятельствами. Автор, на наш взгляд, не пытается объяснять своеобразие характера героини её жизненной стойкостью и силой воли. Ю. Буйда предлагает принимать героиню как некую мистическую константу для выживания мира в целом. Мир будет спасён, если в нём будут существовать чудаки, подобные Идее Змойро, верящие в своё призвание, своё предназначение быть искусстве.

Оказавшись вне мира кино, Ида цепко держится за историю жизни актрисы Валентины Караваевой, приобщаясь, таким образом, к атмосфере творчества. Несколько лет Ида, как и её кумир, провела в Англии с мужем-дипломатом, а потом вернулась в СССР, в провинциальный городок Чудов, прототипом которого стал город Вышний Волочек. Долгие годы, проведённые героиней наедине со своими ролями перед видеокамерой, убеждают читателя в осмысленности такого пути – героиня реализовала себя, пусть так, пусть не перед зрителями, но она нашла в себе силы и мужество быть в профессии. В романе представлена история любви к профессии на грани возможного / невозможного, реального / мистического, даже, на грани психического помешательства.

В целом, роман Юрия Буйды посвящён не только истории Иды Змойро, ассоциативно отсылающей читателя к идеальной Золушке советского кинематографа Янине Жеймо. «Синяя кровь» – это рассказ о насыщенной жизни провинциального городка, его людях. Реальные перипетии жизненного пути Иды вместе с придуманными писателем обстоятельствами переплетаются с новеллистически представленными историями жителей Чудова. Колоритный состав населения города

представлен разноплановыми и реально-нереальными персонажами, чаще, маргинальными.

Ида обречена на одиночество, что, в свою очередь, подчёркивается метафорой «город-остров». Нарочито изолирован от внешнего мира Чудов – остров («чудо-остров»), на котором Иде суждено прожить после трагического завершения блестяще начинающейся карьеры. Робинзона-Иду сопровождает свой Пятница – Пятницкий.

Вообще, отметим, что тема выживания одиночки в мире становится ведущей для романа «Синяя кровь». Центральный персонаж Ида Змойро глубоко одинока, не имеет и не может иметь детей, не понята миром, не принята из-за жизненных обстоятельств своей любимой профессией. Её одиночество раскрашено попытками Иды заполнить свой мир впечатлениями и переживаниями, рождающимися во время театральной игры. Поэтому она в своём доме проигрывала великие роли Клитемнестры, Федры, Медеи, Электры, Офелии, Гертруды, Алкмены, Джульетты, леди Макбет, Катерины, Нина Заречной, Бернарды Альбы: «Представление заканчивалось, в зале гас свет, Нина Заречная – или леди Макбет – шептала детскую молитву: „Ангел мой, ляг со мной, а ты, сатана, уйди от меня, от окон, от дверей, от кровати моей“ – и засыпала...» [1, с. 19]. Однако, одиночество не уходило.

На протяжении всего сюжета встречаются персонажи, которые также одиноки, но их одиночество преобразуется находящимися всё время рядом детьми, супругами, друзьями. Ида оставалась наедине с собой всегда, даже тогда, когда с ней кто-то был. О жизни Ида говорила, как и о театре: «В кино ты ходишь по канату, который лежит на полу, а в театре этот канат натянута над бездной» [1, с. 37]. Одиночество главной героини – это следствие её характера, который был закалён с помощью несправедливостей жизни. О человечестве она говорила так: «Герои могут быть только мертвыми, врагов следует искать среди живых» [1, с. 44].

Фактором, который способствовал закалке характера Иды, стала история с мальчиком по имени Жгут. Ида не могла иметь детей. Тем острее выглядит её попытка сближения с мальчиком Жгутом. Смелый шаг героини был сложным, ведь дети требуют внимания, проявления материнского инстинкта

и семейной теплоты. Ида Змойро пробовала наладить отношения со Жгутом, что давалось ей с трудом. Но всё же она была привязана к нему. Но и эта попытка заполнить своё одиночество оказалась обречённо на крах. Обозлённый на весь мир мальчик окончил жизнь самоубийством, убив при этом людей, которые его искренне любили.

После этого Ида долго не могла прийти в себя: “Указательный палец весил килограмма два или даже три, мизинец – не меньше килограмма. По утрам Ида пыталась оторвать указательный палец от подушки – иногда на это уходил целый час. Она боялась даже думать о том, сколько весили её руки, ноги или голова. Наверное, если бы она вдруг умерла и её сожгли в крематории, пепла хватило бы, чтобы удобрить все окрестные поля. Она утратила ощущение времени. Ей казалось, что утренний подъем занимал годы, а может быть, и века” [1, с. 45] Кабо, как её друг и бывший коллега, пытался привести женщину в чувство. Он обозначил основную личностную проблему Иды Змойро “Ты, конечно, виновата, Ида, – сказал он, выслушав историю о смерти Жгута. – Но виновата только в том, что ты – актриса. Роль матери тебе не удалась, вот и всё. В актерах слишком силен педагогический зуд, им кажется, что они способны воспитать других людей, избавить их от зла... ну как же, ведь они каждый вечер делают это на сцене... они переиначивают себя, так почему бы и другим людям не сделать то же самое? – <...> – А люди, Ида, они не актёры, вот и всё. Их фундаментальные качества исчерпываются списком смертных грехов, и в них нет и никогда не было тяги к добру” [1, с. 46]. Эти слова ярко подчеркивают неизменную суть героини. Дар “синей крови” был дан Иде природой, и она не могла изменить ни себя, ни окружающий мир.

Ещё одной важной темой повествования являются размышления героев о жизни и смерти. Жизнь в романе ассоциирована с театральным представлением: «Спектакль близится к концу, – сказала мне Ида, – а я так и не поняла, что за роль я в ней играю» [1, с. 23]. Жёсткий приговор о бессмысленности жизни героини смягчён автором рассуждениями о быстротечности жизненного пути.

Элементы поэтики магического реализма нетрудно проследить в обращении автора к использованию художе-

ственных деталей. Одной из таких деталей в повествовании является “хлам”, который побуждает Иду к размышлениям и воспоминаниям. Актуализация волшебной природы в простом и реальном явлении – характерная черта магического реализма. Эту особенность стиля писателя можно проследить на протяжении всего романа. Примером одного из доказательств реальности и простоты человеческой жизни также может служить традиция прятать муху и каждую весну снова её отпускать. Философствования героини о сути жизни сопровождаются её наблюдениями: “... Мечтатели с легкостью становятся убийцами” [1, с. 38] и т. п. Мир, в котором живёт героиня и жители Чудова довольно мрачен, однако при этом необходимо отметить определённую чистоту души провинциалов, их “нетронутость” цивилизацией, даже – первобытность их существования вдали от столбовых дорог большого мира.

Порой автор использует оксюморонные выражения и ситуации с целью акцентуации того или иного состояния героев, их эмоций, чувств. Отдельные сцены романа описаны натуралистически. Их описание подчёркивает реальность происходящего, погружая читателя в частично вымышленный мир Иды Змойро. Смешивание несовместимого в контрасте: “Она выйдет замуж, нарожает детей, заведёт корову, а потом умрёт, и её поделят между собой черви и ангелы...” [1, с. 48], – один из главных приёмов, использованных в произведении.

Ю. Буйда обращается в романе к феномену двойничества. образу Иды Змойро соответствует образ ещё одной героини – актрисы Валентины Караваевой. Стремительный взлёт популярности Караваевой молниеносно перерастает в такое же стремительное падение: Сталинская премия, головокружительная карьера, приглашение к участию в постановках на подмостках ведущих европейских театров, брак с английским атташе Джорджем Чапменом и... ужасная автокатастрофа, навсегда искажившая лицо красавицы. Развод, возвращение в Союз, старость в новой, постперестроечной России. Как отмечалось выше, прототипом образа Валентины Караваевой является известная советская актриса Янина Болеславовна Жеймо, жизнь которой была наполнена яркими событиями и переживаниями. Ю. Буйда в духе эстетики магического реализма превращает реальную трагическую судьбу историче-

ского лица в прекрасную легенду. Итак, образ главной героини Иды Змойро является примером человека, женщины, которая может выжить в суровом мире, наполненном несправедливостями и испытаниями души и тела.

Героиня наделяется сверхъестественными качествами магического характера, обусловленными во многом её взглядами: “Благодаря Иде, благодаря её историям маленький скучный городок оживал, его образ приобретал глубину, а его история, наполнявшаяся людьми и событиями, – драматизм. Суровые бородатые мужчины в ферзях и бобровых шапках, дамы в кринолинах, нищие и дегенераты, вооружённые крепостными ружьями Гана-Крнка и знамёнами, убелёнными кровью Агнца... страсти бушевали, кровь лилась, свершались подвиги святости – такой была настоящая жизнь Чудова, по версии Иды...” [1, с. 7] или “Это не беспамятство, это боль. А боль молчаливого. Только так, наверное, и удастся выжить” [1, с. 11].

Рассказчик описывает Иду Змойро так: «Ну конечно же, я знал Иду, она была частью моего мира, но частью, повторяю, декоративной, как отец и мать, как деревья или кошки. Я слышал, что она была актрисой, снималась в кино, а ещё она жила за границей, откуда привезла – на зависть всем чудовским женщинам – какие-то сногсшибательные платья, туфли, шубы, перчатки. Ещё я знал, что нормальная температура у неё была, как у кошки, 38 градусов. И что у нее никогда не было и не будет детей. Лицо её было разделено шрамом, спускавшимся по правой щеке у носа и особенно уродовавшим верхнюю губу. А еще она прихрамывала. Несколько раз в год она ездила в Москву по каким-то делам, а когда возвращалась, мать говорила: “Несчастливая ты, Ида”, а та отвечала: “От счастья толстеют”. Волшебный гнусавый голос, смех, красивые платья, шрам – образ получался хоть и яркий, но плоский, безжизненный» [1, с. 14].

Примечательным является использование прозвища “Морвал и мономил”, которое автор не трактует сразу после упоминания о нём. Позже рассказчик Пятницкий описывает случай с капитаном Холупьевым: “... А половой приносил медный таз с горячей водой, в которой были заварены лимонные корки и лавровый лист. Капитан Холупьев любил запахи

лимона и лавра. Он ставил босые ноги в горячую воду и урчал, как большой кот. – Настоящая жизнь! Настоящая жизнь пахнет лимоном и лавром (выделено нами – С. К.)! <...> – Морвал и мономил (выделено нами – С. К.)!, – по-детски переворачивала его слова насмешница Хана” [1, с. 25]. Таким образом, прозвище привязалось к Иде, что придавало ей не только загадочности, сколько напоминало о временах молодости.

Героиня сама создавала вокруг себя миф. Начиная с семи лет, она по крупицам выстраивала свою особенную жизнь: придумала для себя новое имя, так как имя Таня, по её мнению, не могло соответствовать придуманному миру. В детстве – интуитивно, в сознательном возрасте – намеренно, но Ида уходила от обыденности чудовской жизни. Героиня “лепила” свой мир, мечтала играть роли великих персонажей и играла их, вела «Записки народной артистки». Будучи исключительно одинокой, отмечала дни рождений “своих сообщников” – Чехова, Мольера, Кальдерона, Бомарше, Грибоедова и далее – по месяцам. Ида окружала себя комфортным миром магии великих творцов, а её мысли и речь полностью коррелировались с загадочной атмосферой придуманного мифологического мира: “Он хотел жениться на ней и увезти в далекие края, туда, где мастера-стекольщики выдувают самые красивые в мире закаты, а мужчины прикуривают от женских улыбок” [1, с. 26].

Неоднократные попытки Иды изменить свою жизнь и уйти из Чудова не имели успеха – созданный героиней миф затягивал её обратно: “Ненстоящую жизнь она оставляет здесь, в Чудове. Ей было так хорошо с Арно. Ида улыбнулась, на глаза навернулись слезы. Прощай, Чудов. Она оставляла здесь черное пятно...” [1, с. 32]. Особенную роль в судьбе Иды сыграл такой персонаж, как Кабо – Константин Борисович Бродский. Работая с Идой, он давал ей советы и в актёрской игре, и в реальной жизни. Одной из главных фраз, сказанной Иде, стала фраза: “Иногда достаточно шевельнуть бровью, чтобы рухнула Троя” [1, с. 38]. Кажется, что это выражение стало главным девизом жизни актрисы, ведь до самой смерти она вела себя именно так, будто бы она могла одним движением руки повернуть вспять колесо истории, изменить её ход.

Отметим, все персонажи романа – мифологичны. Каждый из них имеет свою собственную историю, свой мир, наделённый колоритными чертами. Это могло быть придуманное имя или прозвище, реплика или фраза-установка в жизни, деталь портрета или внешний вид персонажа в целом. Так, для речи самой Иды привычной была фраза “Потому что вода, потому что течет”, “вписывающая” героиню в вечность мифологического мира и объясняющая бесконечное течение жизни, её непрерывность, независимо от общей суеты событий.

Отдельный пласт поэтики романа представляют собой ономастические находки писателя. Каждый герой, имея привычное легитимное имя, наделён особенным именем-маской мифологического Чудова. Все имена персонажей романа – чудные: Пятница, Баба Жа, Пан Паратов, Мечтальон, Люминий, Бель Постель, Дрын Дрыныч, Лошадка, Незевайлошадь, Крокодил Гена, Иголочка, Скарлатина, Шут Ньютон, Муму, Малина, Цикута Львовна и другие. Так, “говорящим” именем наделён экстравагантный персонаж, без меры раздающий советы, о которых не просят, и любящий без меры принимать пищу – знахарка и колдунья Свирина Ивановна. Автор соединяет в прозвище бесцеремонность и неумеренность в приёме пищи этого персонажа. Жена прокурора Швили получила имя (о настоящем мы так и не узнаём) Иголочка, характеризующее её стройную фигурку. Подчеркнём, это единственная черта, которая характеризует персонаж – больше говорить не о чем, ничем больше она не примечательна.

“Говорящим” является и название города, и название двора, в котором жила Ида – Африка. Этому есть несколько объяснений. Описание этого места не оставляет приятных впечатлений: “Африка – это обшарпанные фальшивые колонны по фасаду, облупившаяся штукатурка, заколоченные окна первого этажа, просевшая крыша, залатанная где жостью, где железом, а где досками вкривь и вкось. Над входом угадывались остатки герба, принадлежавшего какому-то Африкану Петровскому, одному из прежних владельцев дома: вверху в круге три звезды, а под ними – рука в стальной перчатке, сжимающая кривую татарскую саблю. Вокруг здания – кусты бузины, сирени, сгнившие поленницы, осыпи мусора, кучи битого кирпича и ржавого железа. Внутри пахло мышами и

нафталином, всюду из щелей торчали клочья пакли, а из дыр в полу тянуло холодом и сыростью. Люди отсюда давно повыезжали – осталась одна Ида, занимавшая наверху квартиру в три комнаты с кухней.

За четыреста с лишним лет этот дом сменил множество хозяев, которые перестраивали его под свои нужды. В здании переносили стены, лестницы и коридоры, пробивали новые окна, залы превращали в каморки, а закутки объединяли в залы, и однажды так увлеклись, что замуровали в каком-то простенке напольные часы в вишневом корпусе” [1, с. 11]. Дом, как и континент Африка, древний, экзотичный, запущенный, грязный, затхлый, с “поросычим мезозоем”, заваленный мусором, без намёка на перспективу процветания, но... Как и Африка, дом полон сокровищ – Ида Змойро, талантливая актриса, специфическая личность, не понятая и не принятая миром.

Интересным, на наш взгляд, является авторский подход к изображению портрета героини. Писатель предлагает подробный портрет главной героини, описывает её характер, предпочтения, отношение к миру и окружающим людям, в том числе и с помощью дневника: «А вот и её дневник. Эта запись сделана в день её тридцатилетия: “Тридцать. Почему-то число это одним звучанием своим вызывает у меня озноб. Тридцать. Осталось прожить – еще тридцать, а потом – цап! – и нету, отцакано, отрезано и отброшено... И думать страшно: эти сновидения и эти люди! Ужас. Всю жизнь. Одна. Одна в этом огромном ветшающем доме, населённом немилосердными призраками, в доме, который так и будет постепенно, но неуклонно истлевать, разрушаться, пока однажды не похоронит под своими обломками одну дуру – меня, всеми покинутую и забытую. Медленно угасающую, сходящую потихоньку с ума наедине с собой, в тени теней. Не будет ни зимы, ни лета, одно лишь безвкусное, как песок, время. Когда-нибудь мне надоест стирать пыль с рояля в гостиной, кормить птиц и запирать на ночь входную дверь, и во всем этом не будет и тени мысли: никто не придет; потом надоест готовить горячую пищу, раздеваться и умываться; наконец, моим временем станет сплошное сорок третье марта тысяча девятьсот желтого года; и однажды кто-нибудь – наверняка случайно – заглянет в

захлапленное и недобро пахнущее логово, одолеет завалы из ломаной мебели и заплесневелых книг и обнаружит в самом дальнем углу некое чудовище, валяющееся на грязном полу в полуистлевшем платье, с длинными спутанными седыми космами и воспалёнными пустыми глазами...» [1, с. 19]. Ю. Буйда с особой зрительной наглядностью представляет читателю довольно много информации о характере Иды, о её предпочтениях и убеждениях. Как видим, это не прямой портрет внешности, он раскрывается постепенно, через опосредованные детали, через, казалось бы, незначительные на первый взгляд уточнения: она всегда была «на чеку», носила каблуки, делала макияж, а красота её была необычной для окружающих. Образ Иды Змойро в совокупности с другими мифологизированными образами погружает читателя в «магический мир», «магическую реальность», которые заполняют повествование, проникая в читательское воображение и сознание.

Символичным, безусловно, является название романа, которое усугубляет степень мифологизированности повествования. В концентрированном виде через символику синей крови автором разрабатывается идея магичности действительности, магии событий и нереальности вполне реальных персонажей. По Ю. Буйде, как в суе быденной жизни всегда есть место подвигу, так и в коловращении эпох должен неизменно существовать обязательный элемент – константа вечно-го высокого искусства. «Горячая красная кровь кружит голову, порождает образы и идеи, а иногда доводит до безумия. Синяя же кровь – это мастерство, это выдержка, это расчет, это то, что заставляет художника критически взглянуть на его создание, убрать лишнее и добавить необходимое. Синяя кровь – это Страшный суд художника над собой. Мало научиться писать – надо научиться зачеркивать. Вдохновение без мастерства – ничто. Это, наконец, то, что дает художнику власть над зрителем или читателем. Нужно знать, куда зрителя ударить, чтобы по-настоящему ранить, но не убить. Но синяя кровь – холодная кровь, это не только дар, но и проклятие... потому что *toute maitrise jette le froid...* всякое мастерство леденит...» [1, с. 33]. Ида Змойро явилась своего рода хранителем и глашатаем идеи синей крови.

Необходимо отметить, что повествование в романе «Синяя кровь» насыщено художественными деталями, выполняющими определённые изобразительно-выразительные функции, посредством которых актуализируются в тексте те или иные ситуативные или идейные смыслы. Как известно, иногда одна деталь в повествовании способна заменить пространное описание и характеристики персонажа, пейзажа, ситуации: «Соседка тетя Брысь, уставшая бить своих близнецов-хулиганов, мечтала о светлом будущем, когда за их воспитание возьмётся неутомимый робот с вечным коммунистическим ремнем» [1, с. 156]. Мы можем на данном примере убедиться в том, что незначительная, на первый взгляд, деталь достаточно ёмко характеризует состояние растерянности людей после свержения коммунистической идеологии, распада большого государства. Крах надежд на светлое будущее – вот состояние, представленное автором всего лишь одной проходной деталью, охарактеризовавшей состояние всего общества.

Итак, читатель романа «Синяя кровь» нашего современника Юрия Буйды попадает в мифологизированный и магический мир истории города Чудова, жизни удивительной героини Иды Змойро, обладающей синей кровью и, тем самым, имеющей на своём изуродованном лице печать предназначения хранить вечное высокое искусство. Исключительно одинокая героиня своим присутствием в мире оправдывает все жестокие эксперименты суе быденности, своим существованием символизирует идею христианского всепрощения. Поэтологические приёмы, использованные автором при создании романа, подчинены идейно-смысловому содержанию повествования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буйда Ю. Синяя Кровь / Ю. Буйда – М.: Эксмо, 2011. – 288 с.; Режим доступа: http://loveread.ws/read_book.php?id=34202&p
2. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко]. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / ред. А. Н. Николюкин; Ин-т науч. информ. по общественным наукам РАН. – М.: Интелвак, 2003. – 1600 стб.

Кочетова С. О.

РОМАН ЮРИЯ БУЙДИ «СИНЯ КРОВ»: ПРОБЛЕМАТИКА ТА ПОЕТИКА

У статті представлено вектори аналітичного розгляду роману сучасного російського письменника Юрія Буйди «Синя кров». Автор статті пропонує вважати ключовою темою роману тему самотності особистості в буденному середовищі навколишнього суспільства, а провідними аспектами поетики тексту роману – поетику “магічного реалізму”, поетологічні експерименти в галузі ономастики та художню деталь як прийом, що відповідає за зображально-виразну насиченість стилю оповіді. (Філологічні дослідження, вип. 14, 2015, с. 66–78).

Ключові слова: магічний реалізм, міфологізм, ономастика, поетика, проблематика, роман, сучасна російська література, художня деталь Юрій Буйда.

Kochetova S. A.

THE NOVEL BY YURI BUIDA «BLUE BLOOD»: PROBLEMS AND POETICS

The article presents an analytical review of the vectors of the novel «Blue Blood» by the modern Russian writer Yuri Buida. The author offers to consider the theme of loneliness of the individual in everyday environments surrounding society as a key theme of the novel. The leading aspects of the poetics of the novel's text are the poetics of “magical realism”, poetic experiments in the field of onomastics, an artistic detail as the mean of the style narrative's figurative-expressive intensity. (Philological researches, ed. 14, 2015, p. 66–78).

Keywords: artistic detail, magical realism, mythologism, novel, onomastics, poetics, problems, the Contemporary Russian Literature, Yuri Buida.

А. А. Сорокин (Донецк)

УДК 821.161.1

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАТИКЕ «СКАЗКИ О РЫБАКЕ И РЫБКЕ» А. С. ПУШКИНА

Реферат. В статье рассматриваются проблемы личностного роста героев произведений А. С. Пушкина болдинского периода творчества – в первую очередь, «Сказка о рыбаке и рыбке». Прослеживаются текстуальные пересечения, позволяющие говорить об определённых авторских замыслах поэта и причинах их претворения в разных произведениях, исходя из поэтической концепции А. С. Пушкина.

Ключевые слова: источники, персонажи, проблематика, сказка.

Эпическое движение в пушкинских сказках определяется пространственными изменениями. Зеркальце наблюдает меняющуюся судьбу царевны в её жизненном самовыражении. Всё меняется в княжестве Гвидона, пока он посещает в разных личинах своего отца царя Салтана. Сигналы тревоги, которые подаёт петушок, приходя в движение, меняют пространственный мир Дадонова царства.

С прозрачной ясностью предстаёт метаморфозность пространства в соотношении с хождениями старика к морю в «Сказке о рыбаке и рыбке». Движением связаны между собой главные герои сказки. Однако жена рыбака в этом движении не участвует. Она словно выпадает из этого ряда, как только у неё появляется желание, не свойственное ей, передоверенное рыбке. Рыбка же, исходя из прихотей старухи, “прядёт” за неё её судьбу.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Г. Сенчина (Донецк)</i> Жизнь как подвиг	10
<i>М. А. Новикова (Крым)</i> Певец Донской земли	15
<i>Л. Г. Фризман (Харьков)</i> Мише Гиршману, учёному и человеку	18
ГРАММАТИКА	
<i>Н. П. Курмакаева (Донецк)</i> Категория безличности и её место в грамматической парадигматике	20
<i>А. В. Петров (Симферополь)</i> Глагольные конструкции с предлогом под со значением сравнительно-уподобительным в зеркале метафор	32
ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ	
<i>Л. В. Дербенёва (Ивано-Франковск)</i> Русская «натуральная школа» и французский натурализм: генетическое единство или тиологическая общность?	56
<i>С. А. Кочетова (Рязань)</i> Роман Юрия Буйды «Синяя кровь»: проблематика и поэтика	66
<i>А. А. Сорокин (Донецк)</i> К вопросу о проблематике «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина	79
ИСТОРИЯ ЯЗЫКА	
<i>А. Л. Шарандин (Тамбов)</i> В поисках основы слова	87

КОГНИТОЛОГИЯ

<i>Н. В. Гладкая (Донецк)</i> Работа когнитивный потенциал юмористических креолизованных текстов в интернет-коммуникации	107
<i>Н. А. Максимчук (Смоленск)</i> Отражение регионального компонента языковой личности в словаре микротопонимов	116
<i>Г. Н. Манаенко (Ставрополь)</i> Дискурсивные параметры текста: этичность	129
ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
<i>Р. Н. Назар (Донецк)</i> Репортажный текст и его языковые особенности	137
<i>В. И. Супрун (Волгоград)</i> Происхождение и функционирование русских урбанотерминов	145
<i>А. Л. Факторович (Краснодар)</i> О роли этимологической составляющей при речевом представлении амбивалентной языковой личности	158
ОНОМАСТИКА	
<i>И. А. Дамбуев (Улан-Удэ)</i> Русская топонимия восточной Сибири в «Путешествии по разным провинциям Российского государства» П. С. Палласа	168
<i>В. С. Луговой (Севастополь)</i> Евфемизация як лінгвокраїнознавчий фактор творення національно-орієнтованих онімних фразеологізмів різноструктурних мов	177
<i>Ю. Н. Новикова (Макеевка)</i> Фразеологічні одиниці з антропонімним компонентом: етнолінгвістичний аспект	187

НАУКОВЕ ВИДАННЯ

ФІЛОЛОГІЧНІ ДОСЛІДЖЕННЯ:

Випуск чотирнадцятий

Відповідальний редактор
ФЕДОРОВ ВОЛОДИМИР ВІКТОРОВИЧ

Редактор випуску,
заступник відповідального редактора
В. М. Калінкін

Комп'ютерне верстання
А. А. Шульдішова
Художня обкладинка – А. А. Шульдішова

Підписано до друку 17.12.2015

Формат 60 x 84 1/16.

Папір офсетний. Гарнітура «TimesNewRoman».

Обл.-вид. арк. 15,17. Ум.-друк. арк. 24,06.

Наклад 300 прим. Зам. № 1496.